

НАД ВЫПУСК I 1996 КАРНОЙ

НАД КАРНОЙ

1-1996

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИК
КЛУБА КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ "ЗЫБЧАНЕ"
НОВОЗЫБКОВ

Уважаемый читатель!

Вы держите в руках первый номер сборника, изданного в Новозыбкове и полностью посвященного нашему городу и краю. Представляемый на его страницах материал написан и собран людьми, большинству из которых небезразлична судьба нашей малой родины,—ее прошлого, настоящего и будущего. Тысячами невидимых нитей связана его история и культура не только с Россией, но и с Украиной и Белоруссией. Следы духовной связи с нами ведут и в другие страны и даже через океан на другие континенты.

Наш край имеет богатую историю, сложившиеся культурные традиции. Многие наши земляки стали известны далеко за его пределами. Он дал ученых и художников, писателей и поэтов, стойких верозаступников и храбрых солдат, трудолюбивых хлеборобов и умелых строителей. Каждый человек—частица истории и оставляет свой, большой или малый след на земле.

Созданное руками новозыбковцев, их умом и сердцем, заставляет и сейчас восхищаться, трепетно беречь то, что осталось нам. И как жаль, что сохранилось не так уж много, что не всегда мы относимся с должным уважением и признательностью к памяти тех, кто строил и украшал город, возводил храмы, создавал произведения искусства, писал книги, доблестно защищал Отечество.

В основе нашей жизни лежит культура. Без нее невозможно развитие ни общества, ни каждого человека в отдельности. Освоение духовного богатства, созданного как нашими предшественниками, так и ныне живущими, бережное сохранение своего наследия—главный и основной ее признак.

Широкая культурно-просветительская деятельность—одна из главных задач издателя этого сборника—клуба культурных инициатив «Зыбчане». Мы приглашаем к сотрудничеству всех, кому дорога наша историческая память, кто может приоткрыть завесу нашего прошлого в воспоминаниях, материалах, документах, произведениях искусства и литературы, помочь прикоснуться к нашему духовному и культурному наследию, поделиться своим творчеством и знаниями. Пусть этот сборник станет словом, обращенным к нам всем: читайте, смотрите, размышляйте.

Надеемся на Вашу заинтересованность в продолжении работы над подобным изданием, превращением его в периодическое, то есть журнал о Новозыбкове и новозыбковцах.

К. ПОПОВ,
председатель совета клуба «Зыбчане».

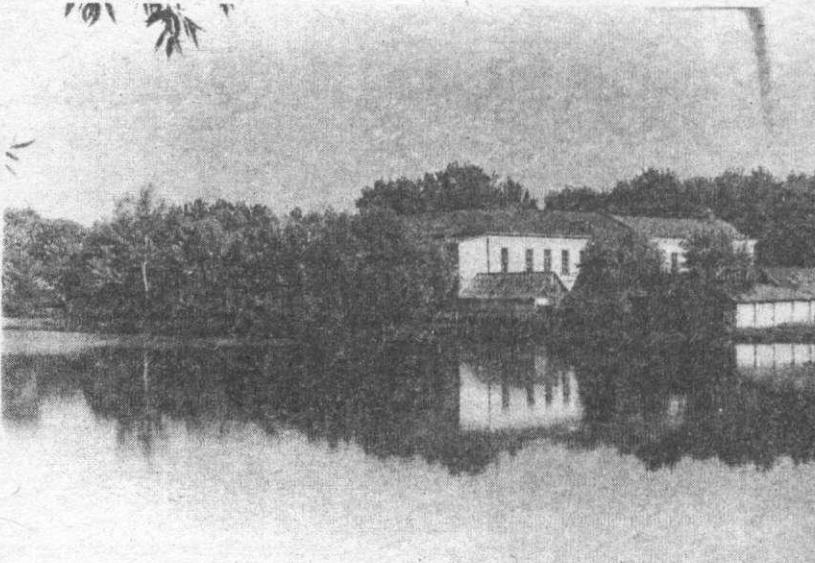
Евгений Потупов

ГОРОД, КОТОРЫЙ ВСЕГДА СО МНОЙ

Странное чувство испытываешь, рассматривая старые фотографии города, где знакомы каждая улица и переулок, где многое дышит воспоминаниями о школе и институте, куда и поныне влечет неослабевающая ностальгия...

Моя память навсегда запечатлела Новозыбков 60—70-х годов, крепкие, большей частью дореволюционные постройки, кирпичные одноэтажные дома на улице Ленина, не менее древние потемневшие от дождей и снегопадов деревянные домишкы на улицах Чкалова и Комсомольской, на Первомайской и Коммунистической, Наримановской и Советской... Названия улиц в духе времени, но в целом облик города оставался уездным, патриархальным.

Летом Новозыбков утопал в зелени. На каждом углу симпатичные продавщицы в накрахмаленных «кокошниках» и белых передниках торговали газировкой. А в будочке мороженщицы стояли весы—она взвешивала сначала хрустящую формочку, а потом открывала бидон и доставала оттуда чуть желтоватое мороженое.

ПЕДИНОСТИТУТ. ВИД С ОЗЕРА
(начало 70-х годов)
Фото С. Кушнерева.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ НОВОЗЫБКОВА
(начало 60-х годов)
Фото В. Мельникова

Идиллию летнего дня дополняло катание на лодках по озеру—оно вполне вписывалось в уютный городской пейзаж.

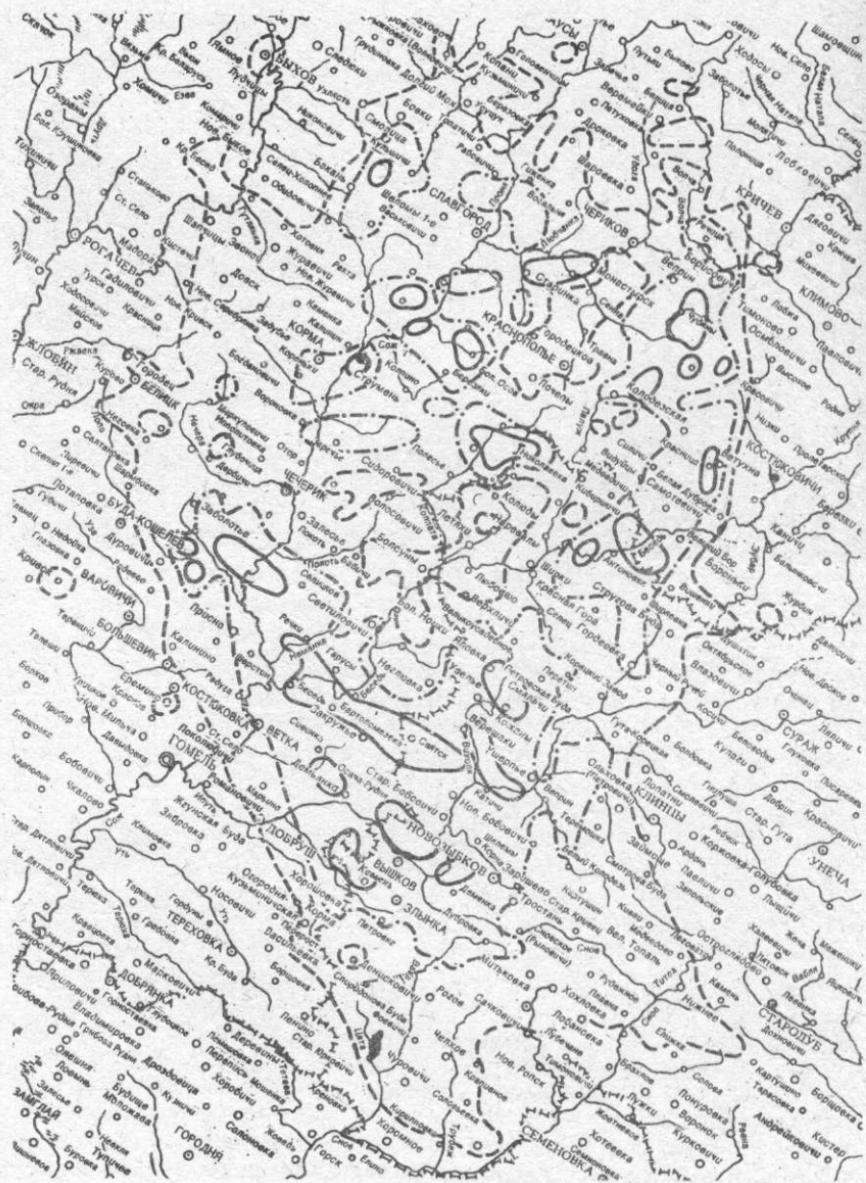
Сегодня, разумеется, Новозыбков не тот, что был 20 и тем более 30 лет назад. Его самобытность почти полностью исчезла; на месте деревянных и каменных строений с узорчатыми фронтонами и яркими наличниками высятся пятиэтажные кирпичные и панельные дома. Старые деревья почти сплошь вырублены, нет больше уютных сквериков. Заурядные «стекляшки» так не похожи на своих прежних «собратьев», куда когда-то можно было зайти выпить молочный коктейль и полакомиться свежайшей сдобы.

Ветер гонит по асфальту невыметенную пыль. Иду по знакомым улицам и отмечаю про себя перемены—их все больше и больше, и почти ни одного узнаваемого лица. «Пришли иные времена—взошли иные имена...». Поэт прав: жизнь не стоит на месте.

Изменяемся не только мы—меняются и города. И вполне возможно, что 30 лет назад старожилу Новозыбкова город его детства виделся совсем не таким, каким запомнил его я. И у него тоже были свои воспоминания. И свои сожаления...

Увы, в молодость не дано вернуться никому. Но можно перенестись на какой-то миг в город, который по-прежнему живет в тебе. Достаточно открыть альбом со старыми фотографиями...

«Брянские известия».

Карта радиоактивного загрязнения нашей местности

— 1 — . — 2 — — — 3

(см. стр. 21)

Сергей МАКАРОВ,
член Центрального Совета
Союза «Чернобыль»

10 лет
Чернобыльской
катастрофе

ТРЕВОЖНОЕ ЛЕТО 86-го

26 апреля 1986 года в 00 ч. 23 мин. произошла беспрецедентная по сложности и масштабам авария на Чернобыльской АЭС. Причинами ее были допущенные персоналом грубые нарушения правил эксплуатации и технологического режима реакторной установки. Выбросы продолжались 10 суток, высота газо-аэрозольного состава достигала от сотни метров до полутора и более километров. Метеообстановка характеризовалась слабым и неустойчивым по направлению ветром в приземных слоях атмосферы, а на высоте 700—1500 метров юго-восточным ветром и переносом воздушных масс в северо-западном направлении. Газо-аэрозольное облако аварийного выброса значительное время находилось в атмосфере и медленно оседало на землю, создавая причудливую картину пятнистого характера с перепадами уровней радиации (по материалам специалиста АМН СССР В. Антонова).

Было принято решение с вертолета забросать реактор песком, глиной, доломитом, свинцом, что проводилось 28—30 апреля. Было сброшено около 5500 тонн груза, в том числе более 2 тысяч тонн свинца. Команды вертолетчиков работали весь световой день.

Утром 28 апреля в Швеции и Финляндии было зарегистрировано повышение уровня радиации. 30 апреля струя выбросов переносилась преимущественно на юг в приземных слоях по направлению к Одессе, на высоте 700 метров по направлению Кишинева, а на высоте 1500 метров— Будапешта и Вены. На территории северных областей Украины, южных областей Белоруссии и юго-западных районов Брянской области сформировался наземный след, где выпала основная часть радиоактивности.

Эвакуация 45 тысяч жителей г. Припять и ряда населенных пунктов в 10-километровой зоне была осуществлена 27 апреля в течение трех часов с 14-00 до 17-00. Эвакуация населения в 30-километровой зоне была осуществлена также в короткие сроки.

Истечение газов и аэрозолей из развала 4-го блока к 6 мая в основном прекратился. Еще через пять дней вся радиоактивность осела на поверхность земли.

По официальным данным в момент самой аварии от взрыва сразу погибло двое работников станции. Возник пожар. 500 работников станции и пожарников пришлось срочно госпитализировать. Около 150 из них лечились от лучевой болезни и ожогов, 31 все же умерли. Местные лучевые повреждения были зарегистрированы сразу же у более чем одной тысячи «кливидаторов».

Особую роль при разгоне радиоактивных облаков, двигающихся от места катастрофы, играла авиация. Была введена система защиты больших городов от оседания радиоактивной пыли. В рабочем поселке Вышков на берегу Ипути для отвода внимания населения от полетов самолетов была установлена учебная техника. Пилоты под видом отработки учебных

стрельб помогали оседать в нашей местности, отсекая Гомель и Польшу, радиоактивные осадки, пик концентрации которых и пришелся как раз на Вышков. Любимое место отдыха в Новозыбковском районе стало заложником «гуманных планов во имя спасения Европы». (Е. Белов, газета «Маяк»).

В Новозыбковском военкомате полным ходом идет мобилизация запасников на восстановительные работы у блока номер четыре Чернобыльской АЭС. Из письма участника ликвидации аварии на ЧАЭС И. Деркуна: «призван в июне 1986 года новозыбковским военкоматом. Три месяца работал на расчистке крыши реактора. После трех лет проживания после аварии в зоне отселения (село Замишево) так и не получил ни удостоверения, ни льгот, положенных ликвидатору. Таких в районе—восемь человек, все рядовые работники». Знали ли ликвидаторы тогда, в роковом 86-ом, что через несколько лет многие из них станут инвалидами, не дожив до «юбилея», лягут в землю, сойдут с ума, совершают самоубийства.

Краткая справка из материалов проверки следователем природоохранной прокуратуры Валерием Титоренко: «большинство незаконно получивших удостоверение, неприкасаемые народные депутаты. Кроме того, из подследственных много различного ранга руководителей. Пребывание несколько минут в зоне отчуждения и подтверждение этого «командировкой» давало право на получение удостоверения ликвидатора. И они этим правом воспользовались».

Спустя три недели после аварии выступил Генеральный секретарь КПСС М. Горбачев с заверениями, что СССР с аварией справится. А 17 июня 1986 года заместитель председателя Госкомитета по использованию атомной энергии СССР Б. Семенов продолжал утверждать: «Уровень радиации нормальный и не угрожает здоровью людей. Поступление радиоиода в организм людей с пищевыми продуктами не опасно для здоровья».

Но вскоре Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 августа 1986 года был утвержден перечень населенных пунктов, население которых подлежит эвакуации в августе—сентябре 1986 года. Впервые среди списка сел Украины и Белоруссии появились села Красногорского района Брянщины: Нижняя Мельница, Прогресс, Князевщина, Барсуки. Постановлением Совета Министров СССР от 22 августа 1986 года утверждается перечень населенных пунктов, в которых вводится ограничение и потребление продуктов питания местного производства и личных подсобных хозяйств, населению которых назначается выплата пособия в размере 30 рублей в месяц на каждого члена семьи. Перечень населенных пунктов в РСФСР по сравнению с предыдущим постановлением значительно расширен и включал в себя г. Новозыбков и Злынка, села и деревни Новозыбковского, Гордеевского, Клинцовского и Красногорского районов—всего 127 российских сел и деревень.

Какой он был, конец апреля, начало мая 1986? Обычные весенние месяцы, предпраздничное настроение, конец учебного года, впереди летние каникулы и отпуска, одним словом все, как обычно—колонны с портретами вождей, здравницы в честь праздника «мая и труда», радост-

ные лица детей, благодарные партии и правительству за свое счастливое детство. Веселые мамашы, гуляющие со своими младенцами на солнце, многие в лесу, у речки.

Лето 1986 года—дети в лагерях, в том числе и в Злынке,—самом загрязненном, как выяснилось потом, районе. Селяне на полях и мы, горожане, там же с шефской помощью: на прополке,—подставляя свои спины солнцу и радиации, а в полдень, прячась от солнца, залезали под придорожные растения со своими обденными узелками, глотая пыль, полную горячих частиц.

В мае—июне 1986 года в Святске, в самом пострадавшем от радиации месте (зона обязательного отселения)—субботник. По инициативе партгруппы решили оказать помощь пострадавшим украинцам. В Москве Пленум ЦК КПСС. Ни слова о катастрофе. Новозыбкову присуждается переходящее Красное Знамя за охрану природы и опять ни слова о радиации. Службы оповещения скрывали от населения опасность даже в Припяти.

Запоздалая справка:

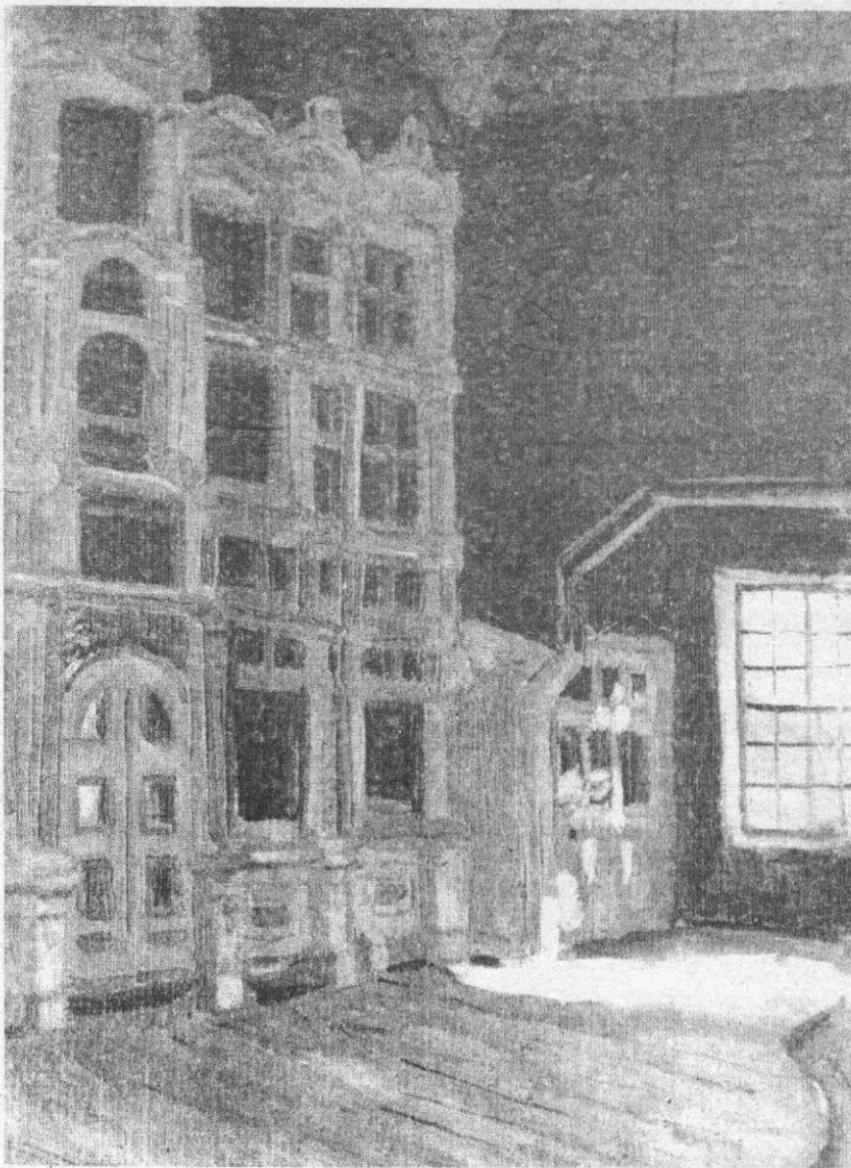
По сведениям Министерства по чрезвычайным ситуациям (Российская газета от 28 мая 1994 года) радиоактивному загрязнению почвы цезием-137 с плотностью свыше 1 кюри на квадратный километр подверглись 16 областей России. Уровни загрязнения по цезию-137 свыше 40 кюри наблюдаются только в Брянской области. Уровни загрязнения от 5 до 15 кюри на квадратный километр встречаются в Брянской, Калужской, Орловской и Тульской областях. В остальных районах загрязнение не превышает 5 кюри. В трех областях: Нижегородской, Смоленской и Саратовской чернобыльские осадки не выпали ни на один населенный пункт. Радиоактивные осадки выпали не сплошь. Нет ни одной области, которая была бы загрязнена полностью.

Знать бы тогда, в 1986, что нельзя во всем доверять официальным заверениям. Лгали. А в это время в ФРГ и Голландии давались рекомендации не пользоваться дождевой водой, ограничивались поездки в СССР, делалась йодопрофилактика. Перестраховывались? А у нас? У нас всегда были тайны от народа.

«Секретно»: Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР. «Для служебного пользования». «Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в районных, городских, многотиражных газетах, передачах по радио и телевидению». Издание 1987 года. Запрещается публиковать «Сведения о радиоактивном загрязнении окружающей среды локальными выпадениями, позволяющие определить место, дату и причину явления, вызвавшего повышение уровня радиоактивности».

Молчали все местные средства массовой информации, любая попытка журналистов сказать правду пресекалась партийными органами. Прорыв информационной блокады стал возможным только к концу восьмидесятых.

Вина тех, кто скрывал от российского народа правду о Чернобыле, на местах до сих пор не установлена. Более того, большинство из них получило правительственные награды.

ПУСТОЙ ИКОНОСТАС
Художник К. Попов.
Из серии «Зона отселения»

*Анатолий Воробьев*10 лет Чернобыльской катастрофе

ИЗ СВЯТСКА ВЫНОСЯТ ВСЕХ СВЯТЫХ

Весной 1992 года в Брянском художественном музее была выставлена редкостная коллекция икон XIX века. Путь этих шедевров оказался поистине драматическим: похищенные из российских храмов, они были изъяты сотрудниками таможни при попытке вывоза за границу. От одной только мысли, что этих ста бесценных икон Россия могла бы лишиться навсегда, мы должны были бы испытать по меньшей мере чувство национального стыда. Лично меня это чувство не покидает с тех пор, когда я впервые соприкоснулся с проблемами сохранения культурно-исторических ценностей в пострадавших от Чернобыля районах Брянщины.

С того самого момента, как к порогу вплотную подступила проблема отселения в «чистые» края, посыпалась напасти на наше село Святск. Трижды в это время была ограблена старообрядческая церковь Успения Богородицы: похищено в общей сложности 16 ценных икон.

Не стеснялись заходить и в дома святских жителей. В ночь под Благовещенье напали на дом пенсионерки Веры Фадеевны Кеченко: ломом вышибли дверь, этим же ломом оглушили старушку и взяли две самые богатые в домашнем иконостасе иконы — Георгия Победоносца и Николая Угодника. Как выжила тогда она, одному Богу известно: шесть ран на голове и большая потеря крови.

Долго после этого случая святские старушки не решались ночевать в своих домах. Что ни вечер, сбивались в стайку в чьей-нибудь хате, прихватывали с собой самые дорогие иконы, полагая, что так, вместе, они могут постоять за себя и своих святых.

Зашел я тогда в милицию узнать как идет расследование, а заодно попросить для Святска хоть какой-нибудь защиты от разбоя. Дело, как мне ответил начальник милиции, заведено, но результатов пока никаких. А с чего им быть, результатам, если следователи явились на место лишь на третий день, когда дождь уже смыл следы преступления.

Сейчас в связи с отселением происходит оккупация преступными элементами обезлюдевших селений. Среда обитания для них здесь вполне благоприятная: никакой власти, ни мужиков, способных постоять за свое село, ни милиции. С наступлением сумерек это отродье выходит «на дело»: ломится в дома, грабит стариков, убивает.

Пришла беда — отворяй ворота. Несколько раз ограблена церковь Успения. Прямо под вывеской на паперти — «Памятник деревянной архитектуры. Охраняется государством» — разворовывается культурное наследие народа. Матерь Божия, Казанская Богородица, Скорбящая, Троеручница, Николай Чу-

дотворец...—я перечисляю только те иконы, которые хорошо помню.

Следователям, мне так кажется, просто не захотелось заводить новое дело: у них и без того накопилось нераскрытий преступлений.

—Вот если милиция дает нам сведения насчет икон,—примерно так ответил мне начальник Новозыбковского отделения УКГБ,—то мы иногда подключаемся к делу и расследуем его. А специально заниматься этой проблемой у нас руки не доходят.

Чувствуя, что круг моих хождений замыкается, я пытаюсь через международную гуманитарную неправительственную организацию «Чернобыль-помощь» и, как бы от ее имени выйти на президента России Б. Ельцина.

«...Противостоять натиску преступного мира на деревни и села в брянской зоне бедствия, местные органы милиции при их неукомплектованности и слабой оснащенности просто не в состоянии. Сложившаяся ситуация настоятельно диктует необходимость создания здесь под эгидой МВД на добровольных началах и на правах муниципальной милиции мобильных групп по защите жизни людей в зоне и охране культурно-исторического наследия народа».

В приложенной к письму справке речь шла не только о судьбе святских икон. В ней приводились факты ограбления старообрядческих храмов и молельных домов в Злынковском, Климовском, Новозыбковском районах. Разделяя тревогу за судьбу нашего национального достояния, организация «Чернобыль-помощь» выразила готовность принять участие в содержании и оснащении мобильных формирований техническими средствами.

Письмо это с резолюцией канцелярии Президента—«изучить и принять меры»—вскоре было переправлено в Министерство внутренних дел. Спустя три месяца последовал такой ответ: «Сложная криминогенная обстановка в загрязненных районах показывает, что для комплексной борьбы с преступностью там целесообразно создать межрегиональное подразделение правоохранительных органов России, Украины и Белоруссии или усилить существующие за счет местных бюджетов».

Вот и пойми, о чем идет речь—о проблеме межнационального звучания, или всего лишь местного масштаба?

Еще давно, в 1991 году, прокурор Брянской области и начальник УВД облисполкома направили его председателю представление:

«В последнее время резко возросло число преступных посягательств на старообрядческие иконы, представляющие собой большую историческую и культурную ценность. Технология их изготовления уникальна, в иконописи использованы драгоценные материалы... Особую тревогу вызывает тенденция роста при этом насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевших... Начиная

с 1990 года в Юго-Западных районах похищено 360 икон. Практически каждое второе такое преступление (43,5%) раскрыто, однако возвратить потерпевшим удалось лишь пять икон.

Правоохранительные органы области имеют основания для вывода о существовании организованных, с межгосударственными связями преступных структур, специализирующихся на хищении икон. По оперативным данным, иконы в течение самого короткого времени после преступления вывозятся за пределы Брянской области и РФ, через Беларусь контрабандным путем поступают в Польшу, а затем направляются на аукционы Германии. Изъятые у преступников или перекупщиков иконы невозможно идентифицировать с похищенными из-за отсутствия их индивидуальных характеристик, достаточных для опознания.

Сложившаяся ситуация требует не только незамедлительного адекватного реагирования со стороны правоохранительных органов, но и комплексных согласованных действий всех заинтересованных организаций».

В представлении предлагалось самым срочным образом разработать и утвердить программу спасения старообрядческих икон под эгидой управления культуры, Епископата Новозыбковской, Московской и всея Руси Древлеправославной церкви. Облисполком никак не отреагировал.

Куда же, не знаю, постучаться? Может быть, в Комиссию Российской Федерации по делам ЮНЕСКО?

Ответ комиссии меня приободрил. Приободрил хотя бы пониманием серьезности вопроса: «По линии программы ЮНЕСКО—Чернобыль» предусматривается целый ряд мероприятий по сохранению культурного наследия чернобыльской зоны. Ваше письмо еще раз напоминает об актуальности этой проблемы, которая из-за неотложного характера решения других вопросов, прежде всего связанных с переселением людей из зараженных районов, пока, к сожалению, не стала приоритетной. Трудность ее решения еще связана с тем, что вся программа «ЮНЕСКО—Чернобыль» осуществляется на основе самофинансирования. В этой связи представляли бы интерес соображения относительно источников такого финансирования... Надеемся, что наши совместные демарши не останутся без внимания».

Копия моего письма в Комиссию ЮНЕСКО с этим ответом комиссии была направлена сразу в пять адресов: в МВД, Минкультуры, Госкомчернобыль и двум комиссиям законодательной власти...

А ситуация на местах между тем складывается так, что дальнейшее промедление может привести к полной утрате нашего национального достояния. И проблема спасения его отпадает сама по себе. В какие, скажите, надо бить колокола, чтобы всколыхнуть нашу историческую память?

«Российская газета».

В. Николаенко

РЕКА БОГИНИ

Многовековая история России как в зеркале запечатлелась в географических названиях. Со школьной скамьи мы знаем, что город Новозыбков возник в XVII веке на месте болотистом, «зыбком». Бежавшие от власти раскольники искали убежище именно в труднодоступных лесных чащобах Полесья.

Еще недавно по соседству с районным центром существовали поселки Граница и Берлин, чье происхождение краеведы связывают с событиями XVIII века. В 1759 году русская армия разгромила прусские войска, а солдаты, вернувшиеся домой после победоносных походов императрицы Елизаветы со славой и деньгами, обзавелись хуторами, которым дали имена, связанные с победами российского оружия.

Названия «Старый и Новый Вышков», как считают, произошли от располагавшихся здесь, на границе с агрессивной в прошлые времена Польшей, пограничных вышек.

Но вернемся к топонимике Новозыбкова. Город возник двести с лишним лет назад на берегах озера Зыбкое и речки, носившей имя Карна. Карна... Что за имя? Откуда, из глубины каких веков пришло оно?

Задолго до принятия христианства у древних славян сформировался свой пантеон богов—Перун, Сварог, Даждьбог, Макошь. Среди прочих особо почиталась славянами богиня охоты—Карна. Прекрасная охотница, не могла она усидеть дома, не знала она усталости в преследовании добычи. Легконогая, носилась она по лесам, оврагам и долам, вся горя от необузданного азарта. Лихая до самозабвения, самоуверенная до потери осторожности, часто попадала она в безвыходные ситуации. Но как любили за это славяне свою богиню-охотницу, как старались подражать ей в этом!

Бывало, другие боги, а иногда и простые смертные, встречали ее, охотясь в густых дебрях. Любимой забавой Карны было вызывать повстречавшегося на состязание в охотничьей сноровке, меткости, силе. Небожители изредка одерживали над ней победу, но горе было человеку, возомнившему себя проворнее легконогой охотницы. Ждала их смерть, ибо, привыкшая убивать свою добычу, Карна была к тому же богиней смерти, плача и скорбного лунного света. Можно было встретить целые поля, усеянные павшими от ее руки воинами.

У древних восточных славян существовал свой гороскоп и один принадлежал Карне.

Кто знает, не в честь ли славянской богини получила свое название река, несшая свои воды в дремучих брянских лесах, полных дичи и зверья?..

*Юрий Анисин
Александр Кублицкий*

НОВОЗЫБКОВСКИЙ УЕЗД В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Великая, Малая, Белая Русь... Кто не слышал этих слов? С колыбели новозыбковцам знакомы напевы трех братских народов. В памяти хранятся образцы бережной, трогательной дружбы людей различных национальностей.

Здесь, на юго-западе Московского государства, на пограничье Руси Великой, Малой и Белой, в глухих девственных лесах и среди зыбких болот, в конце XVII века начали селиться великороссы—старообрядцы, не покорившиеся господствующей православной церкви и царю-самодержцу. Они образовали множество поселений, центром которых постепенно стал город Новозыбков.

Новозыбковский уезд занимал 3355 кв. верст (1 верста—1 км 67 м). С севера он граничил с Суражским, с востока—со Стародубским, с юга—с Сосницким и Городнянским, с запада—с Гомельским уездами. Новозыбковский уезд объединял 11 волостей, которые в судебном отношении были подчинены Стародубскому окружному суду и разделялись на три полицейских стана. Первый объединял Белоколодезскую, Великотульскую, Лакомобудскую и Брахловскую волости, второй—Новоропинскую, Семеновскую и Куршановичскую, третий—Людковскую, Старобобовичскую, Денисковичскую и Малощербиничскую.

Население новозыбковщины к началу нынешнего столетия достигло 164840 человек. Если в 1859 году в нашем крае проживало русских 30 процентов, украинцев—67, белорусов—два, евреев—один процент, то в 1897 году, в связи с продолжающимся притоком русских и широким распространением русского языка в крае, национальный состав жителей новозыбковщины меняется: русских становится 94 процента, украинцев—0,8, белорусов—0,2 процента, число евреев возрастает до пяти процентов, что объясняется учреждением царскими властями для них черты оседлости, куда входил и Новозыбковский уезд.

По социальному составу население края, как и всей России, делилось на несколько сословных групп с характерными для них неодинаковыми правами и обязанностями, юридически узаконенными царским самодержавием и передаваемыми по наследству.

Большинство населения было религиозным, чему способствовали политика государства, поголовная неграмотность, преподавание основ религии в школах и училищах, многочисленные в уезде учреждения культа: более 70 православных, единоверческих и старообрядческих церквей, монастыри, приходы других вероисповеданий.

Крестьяне повсеместно применяли древнюю трехпольную систему обработки земли под зерновые, сельхозинвентарь использовался при этом самый примитивный. Народ давил налоги. Не хватает лошадей. Урожай в нашем крае были самыми низкими из всех уездов Черниговщины. Зерновых собирали менее 4 центнеров с гектара, картофеля—около 30 центнеров. Своего хлеба до нового урожая не хватало. По Черниговской губернии в среднем на каждого человека приходилось докупать свыше 4,5 пуда хлеба в год.

Дмитрий Никитович Янков, старожил с. Деменка, вспоминал, что в уезде существовала так называемая «скопщина», т. е. сдача земли в аренду крестьянам и плата—с копны нового урожая: каждый третий сноп крестьянин обязан был свезти на помещичий двор. Помимо того крестьянин должен был отработать в имении четыре-шесть дней или три-четыре

коне-дня и доплатить деньгами сумму, равную стоимости от 1 до 4 пудов хлеба. Крестьянину приходилось увеличивать посевы прибыльных культур льна и конопли, которые занимали 5050 десятин уездной земли, причем площадь их посевов постоянно расширялась. Строились маслобойные заводы в Новозыбкове, Климове, Семеновке, Деменке.

В поисках так необходимого заработка, наши земляки целыми артелями уходили «не только на юг России, но и в Варшаву, и за границу, в последнее время они перешагнули даже за океан, в Америку, где новозыбковцы приобрели себе репутацию прекрасных рабочих, по силе и ловкости не имеющих себе конкурентов» (Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XLVII. Черниговская губерния. СПб., 1903). Один из таких—Иван Степанович Коллапчев—оказался в США пятнадцатилетним подростком. Спустя шестьдесят лет, глубоким стариком, поднялся на борт советского грузового судна «Антон Чехов» в порту Такома. Седой, высокий, большерукий, волнуясь говорил советским морякам:

— А родина-то моя—город Новозыбков. Память штука такая: в старости прошлое так и стоит перед глазами. Пока молодой был, не тосковал по родине, а теперь подступает к сердцу... (Газета «Маяк». 1978).

Новозыбковский уезд в основном был аграрным. Однако развивающаяся промышленность на начало XX века уже заявляя о себе. Скудные в сельскохозяйственном отношении земли, наличие свободных рук, прокладка железных дорог, наличие местного сырья способствовали этому. До сегодняшнего дня старики не без гордости рассказывают о местных ремесленниках: сапожниках, печниках, каменщиках, плотниках, кузнецах, такелажниках портных, колесниках и т. п. По этим рассказам можно судить о трудолюбии наших предков, об их стремлении сделать вещь надежную, что называется—на совесть. Кто побывал в краеведческом музее Новозыбкова, мог видеть сохранившиеся предметы материальной культуры. По музейным экспонатам мы судим о творческой мысли, таланте, художественных вкусах русских людей той поры и видим, насколько высок был их уровень.

Дореволюционный Новозыбков известен как купеческий город. Местные купцы еще в 30-х годах XIX века торговали хлебом, пенькой, рогатым скотом, салом, постным маслом, другими товарами местного производства. Истоки промышленного развития новозыбковщины уходят далеко в дореформенный период. Так, в Новозыбкове и уезде накануне отмены крепостного права маленьких фабрик и заводов было 354, производили продукции на общую сумму 272499 рублей.

Ускорению промышленного развития края способствовала отмена крепостного права, давшая приток рабочих. Так, в хуторе Софиевка в 1877 году была основана спичечная фабрика купца Осипова с годовой выработкой на 290 тысяч рублей. За два года до нее в Новозыбкове стала действовать спичечная фабрика торгового дома «Максим Волков и сыновья», начавшая свою историю с 1862 года. Производила она товаров на 150 тысяч рублей. Климовский щетинный завод купца Шведова вырабатывал продукции на 120 тысяч рублей в год. В начале 70-х годов прошлого века, не считая мелких заводов, в Новозыбкове уже работало до 40 заводов с производительностью почти 100 тысяч рублей, а в уезде—45 заводов с производительностью 250 тысяч рублей. Таким образом более 350 предприятий давали продукции на 272 тысячи рублей, а через 10 лет 85 более крупных—на 350 тысяч рублей.

Так, в 1897 году из 11 спичечных фабрик осталось 8, но они были более усовершенствованными: три из них имели различные приспособления, увеличивающие производительность труда, на одной использовался конный привод, четыре были снабжены паровыми машинами.

Курьезный случай о выходе местных предпринимателей на зарубежный рынок в беседе с одним из авторов рассказал старожил города Новозыбкова Н. Н. Дунаев—бывший рабочий фабрики А. И. Шведова. «Шведов однажды направил на международный рынок несколько вагонов пеньки. Западноевропейские фабриканты по каким-то соображениям предложили за нее цену более низкую, нежели она обошлась хозяину. Тогда Афанасий Иванович приказал своему приказчику сжечь ее. После уничтожения пеньки Шведов послал своих уполномоченных для скупки всей пеньки, где она им только встретится. Когда же у фабрикантов Запада возникла острая необходимость в пеньке, то они ее нигде не могли приобрести. Тогда-то Шведов и возместил свои убытки, да еще с лихвой». Так одержал верх в конкурентной борьбе опытный, богатый и не лишенный риска новозыбковский купец.

К середине 80-х годов по г. Новозыбкову и уезду насчитывалось уже 144 завода с производительностью почти на 2 млн. рублей в год. Работали на них 2795 человек, большая часть из которых—на производстве спичек. Что же касается всей Черниговской губернии, то по сведениям бывшего департамента торговли и мануфактур, за 1897 год на нее приходилось 30 процентов фабрик и заводов Малороссии. Ускорению экономического развития края способствовала прокладка через г. Новозыбков железнодорожных путей Брянск—Гомель и Новозыбков—Новгород-Северский.

Однако общая отсталость царской России в сравнении с другими странами не могла не порождать и более жестокие формы эксплуатации. Не был исключением и наш край. Он имел и свою специфику: было широко развито производство серно-фосфорных спичек, которое губительно сказывалось на здоровье. Санитарных постановлений, охранявших здоровье работающих в спичечном производстве, долгое время не было.

В. В. Святославский, фаброчный инспектор, принимавший участие в инспекции местных фабрик, так писал о бытовых условиях рабочих: «...рабочие не имеют ни особых столовых, ни отхожих мест, ни даже нар для спанья, причем все спят вповалку.., вместе на голых досках... Ни бани, ни даже умывальника, ни комнаты, где можно было оставить свое верхнее платье, нет на этих фабриках, не имеющих ничего, что хотя отчасти характеризовало бы сколько-нибудь сносное человеческое жилье. При этом работа продолжается от 5 часов утра до 11—12 часов ночи. Дети в большинстве случаев получают самый нищенский заработок, а бедность окрестного населения такова, что многие матери со слезами на глазах умоляли нас приказать снова принять их ребенка на фабрику, с которой они приносят пятак (буквально) в день и зародыш неизлечимой болезни... Конечно,—продолжал Святославский,—нечего и прибавлять, что ни школы, ни врача, ни даже фельдшера на этих фабриках, при контингенте в несколько сот человек на каждой, не имеется. Резюмируя все сказанное и оставаясь вполне беспристрастным, я должен сознаться, что все спичечное дело в Новозыбковском уезде основано на самой беспощадной хищнической эксплуатации труда, здоровья и жизни прежде малолетних рабочих, а ныне—подростков и женщин».

Земский врач Иванов, исследовавший влияние фосфора на организм человека, отмечал, что у проработавших полгода развивается малокровие, воспаляется слизистая оболочка, зубы желтеют, затем чернеют, расшатываются и выпадают. ...развивается остеомиелит. «Больной с омертвением нижней челюсти и лица поражает своим ужасным видом, распространяя нестерпимое зловоние. ...Болезнь ничем не поправима, тянется очень долго, и больной в очень медленной агонии умирает от воспаления мозга». (А. Русов. Описание Черниговской губернии. Чернигов. 1899).

Тяжелое положение народа, его темнота и невежество усугублялись значительной отсталостью в развитии народного просвещения. В среднем

по Черниговской губернии в 1897 году на одну школу приходилось 3600 жителей округи. Из 505 земских школ губернии 304 имели одну классную комнату. Все дети начальным образованием охвачены не были. Только по Новозыбковскому уезду его не получало 4/5 детей школьного возраста.

В те далекие годы не лучше выглядела и система здравоохранения. Свиредствовали малярия, дизентерия, сифилис, коклюш, тиф, дифтерит, свинка, скарлатина, оспа и другие болезни. Распространению их способствовали отсутствие надлежащих условий жизни и недостаточная организация медицинской помощи. Так, например, в 1886 году по Новозыбковскому уезду на одного жителя по системе здравоохранения выделялось 11,4 копейки. Обслуживать каждому из имеющихся четырех врачей приходилось более 34000 человек, а фельдшеру—около 9000.

На организацию культурных мероприятий в Новозыбкове городские власти в смете расходов выделение денежных средств не предусматривали.

На рубеже 60—70-х годов в русском революционном движении господствующей идеологией, как известно, являлось народничество. Активное участие в народническом движении принимали учитель Новозыбковского уездного училища Э. В. Чарторийский, бывший воспитанник этого же училища И. П. Белоконский, бывший выпускник Новозыбковского реального училища В. А. Щавинский и многие другие.

Новозыбковские народники имели связи с единомышленниками в центральной России, на Украине, в Белоруссии. В делах прокурора Киевской судебной палаты за период конца 80-х и до середины 90-х годов имеется много дознаний по этому вопросу, в том числе и на жителей новозыбковщины. Назовем несколько фамилий: П. В. Зенченко, Н. Миклашевский из посада Злынка, Т. Е. Малков из г. Новозыбкова, Т. М. Тищенко из села Каменек и другие.

Девяностые годы охарактеризовались нарастанием массового рабочего движения. Несмотря на трудности (внешние и внутренние), постепенно крепло социал-демократическое движение. Под влиянием революционной деятельности социал-демократов Петербурга, Киева, Орла, Гомеля зарождалась революционно-пропагандистская работа и в Новозыбковском уезде. Устанавливается связь с гомельскими социал-демократами.

Зерна пропаганды, попавшие на новозыбковскую почву, быстро дают ростки. Уже в январе 1898 года вспыхивают волнения рабочих Деменской спичечной фабрики купца Волкова, насчитывавшей около 300 человек. 18 апреля того же года в местном лесу новозыбковские рабочие под развернутым красным знаменем с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» провели одну из первых организационных революционных сходок.

Рабочие под влиянием социал-демократов все чаще прибегают к забастовкам. С 31 января по 3 февраля 1900 года бастовали 80 пенько-трепальных заведений купца Ефима Пастухова и его сына Александра, требовали прибавки к заработной плате.

Широкое распространение социал-демократических идей в нашем крае обратило на себя внимание полиции и жандармерии, в том числе и московской. Начались слежка, аресты. В Гомеле и Новозыбкове конфискованы склады подпольной социал-демократической литературы. Однако полностью ликвидировать социал-демократическое движение, уже соединившееся с рабочим движением, набиравшее силу и размах, уже было невозможно. Наступал XX век.

Из книги «Три натиска бури»
(в сокращении).

Сергей Макаров

ХУДОЖНИКИ ДОВОЕННОГО НОВОЗЫБКОВА

К середине восьмидесятых годов 19-го столетия город Новозыбков становится заметным торговым центром в Черниговской губернии. Растущая промышленность, развивающаяся, в том числе и с заграницей, торговля, требовала классных, грамотных специалистов. Для их подготовки в Новозыбкове открываются ряд учебных заведений. В 1875 году—реальное училище, четыре года спустя—женская прогимназия, преобразованная в 1883 году в гимназию, и в 1887 году—среднее сельскохозяйственное техническое училище.

Для работы в этих учебных заведениях приглашаются из различных городов России квалифицированные педагоги. Рисование и черчение в 1890-х годах преподавал уроженец Украины М. А. Рутченко, получивший от Академии художеств звание учителя рисования и черчения. Михаил Александрович—автор воспоминаний об известном художнике В. И. Сурикове, с которым он был хорошо знаком.

Преподавание рисования в городе велось на высоком профессиональном уровне. Для овладения многими специальностями требовались основательные художественные навыки. В женской гимназии на третьем этаже имелся специальный рисовальный класс, устроенный по типу амфитеатра с множеством гипсовых орнаментов, слепков с античных скульптур, чучелами птиц и животных. Преподавал в гимназии рисование художник Венифатий Матвеевич Сангурский, учившийся живописи в Москве.

В сельскохозяйственном техническом училище и реальном училище уроки рисования и черчения вел М. Ф. Аникеенко, а в городском трехклассном училище и городской торговой школе—П. В. Веняминов.

Имеются сведения, что в самом начале века, в Новозыбкове бывал академик живописи Камашко. По рассказу очевидцев, известный в городе купец Афанасий Шведов для построенной напротив училища за свои средства каменной церкви заказал ему роспись иконостаса. К сожалению, судьба его работ неизвестна, так как Венифатьевская (Шведовская) церковь впоследствии была разрушена.

В январе 1918 года бюро уездного исполнительного комитета опубликовало циркуляр об организации советской власти в уезде. Началась массовая конфискация движимого и недвижимого имущества «богачей». В скором времени все лучшие дома в городе, принадлежавшие купцам и промышленникам, формировавшие облик города в начале века, были заняты под госучреждения новой власти. В доме фабриканта Волкова размещался штаб Богунского полка, затем в начале двадцатых,—Дом пионеров, потом ФЗУ (фабрично-заводское училище). В частном кинотеатре Шишкина, убитого в первые дни революции—рабфак. В доме купцов Абросимовых, расположенным в центре города, украшенном деревянной резьбой—типография. В домах торговца пенькой Шведова, что напротив бывшего здания дворянского собрания—тублечебницу, а в угловом особняке—школу (сейчас Дом детского творчества). Досталось и гимназии: по указанию властей срочным образом убрали на фронтоне выложенное из кирпича название «женская гимназия».

В 1919 году в помещении пустующего реального училища по причине

прекращения занятий и отсутствия преподавателей, размещался штаб 12 Армии. Здание книжного магазина Губарева приспособили под выпуск агитационных материалов. Примечательно то, что в нем рисовал свои первые карикатуры на Деникина и Юденича красноармеец 12 полка Борис Ефимов, ставший впоследствии известным художником. Выполненные на фанере и картоне сатирические рисунки вывешивались на улицах Новозыбкова.

В 20-е и 30-е годы в бывшей женской гимназии, преобразованной в единую трудовую школу, помимо основных предметов, два раза в неделю в рисовальном классе, доставшемся от гимназии, велись занятия по изобразительному искусству. В первую смену уроки вели художники Савелий Иванович Саввичев и Павел Владимирович Веняминов, а во вторую смену — Михаил Филимонович Аникеенко.

С 1926 года в здании бывшего реального училища в агропедтехникуме преподает рисование и черчение бывший политкаторжанин Зиновий Ефимович Магидин, который для рабочей молодежи организует изостудию.

В 1935 году в Новозыбкове вспыхивает эпидемия малярии, от которой умирает руководитель изостудии Магидин. Студия закрывается, а прекрасные гипсовые пособия сгружаются в подвальное помещение бывшего кинотеатра Шишкина «Модерн». Трагическая судьба постигла и М. Ф. Аникеенко — он был репрессирован незадолго до войны.

Об этом времени мы знаем только из воспоминаний очевидцев. В то нелегкое время вряд ли кто ставил перед собой задачу сохранить историю художественной жизни города. Слишком малозначительными, по сравнению с мировой революцией, были судьбы провинциальных художников — преподавателей рисования.

Родители Савелия Ивановича Саввичева жили не бедно, дав хорошее образование двум своим сыновьям, один из которых более известен в городе как известный селекционер, Герой социалистического труда. Саввичевы дружили с художниками, помогали им, сдавая комнаты для М. Ф. Аникеенко и П. В. Веняминова, вместе с которыми проводили длинные вечера, музенируя и играя в карты.

Приглашали к себе на чай Саввичевы и юных художников-студийцев. Один из них — способный рисовальщик Петр Чернышевский, — решает под влиянием Савелия Ивановича и Зиновия Ефимовича продолжить свое художественное образование и поступает в Тамбовское художественное училище. До войны директор Дома пионеров А. И. Ерохин открывает кружок рисования для детей, для руководства которым приглашает С. И. Саввичева, а затем студента художественного училища П. Чернышевского. Вот здесь и пригодились гипсы студии Магидина, по которым уже новое поколение юных художников осваивало азы искусства.

До войны в кружок Дома пионеров ходили Степан Приходько, Иван Величко, Василий Мельников, Анатолий Ляшков, Николай Землянов, Василий Калуга, Дориан Сулоев и другие, связавшие в будущем жизнь с искусством, ставшие известными своим творчеством в городе и за его пределами.

Р.С. Издатели приносят благодарность и признательность П. А. Чернышевскому, помогавшему восстановить автору художественную историю города.

З.Е. МАГИДИН
Фотография

М.Ф. АНИКЕЕНКО
Автопортрет

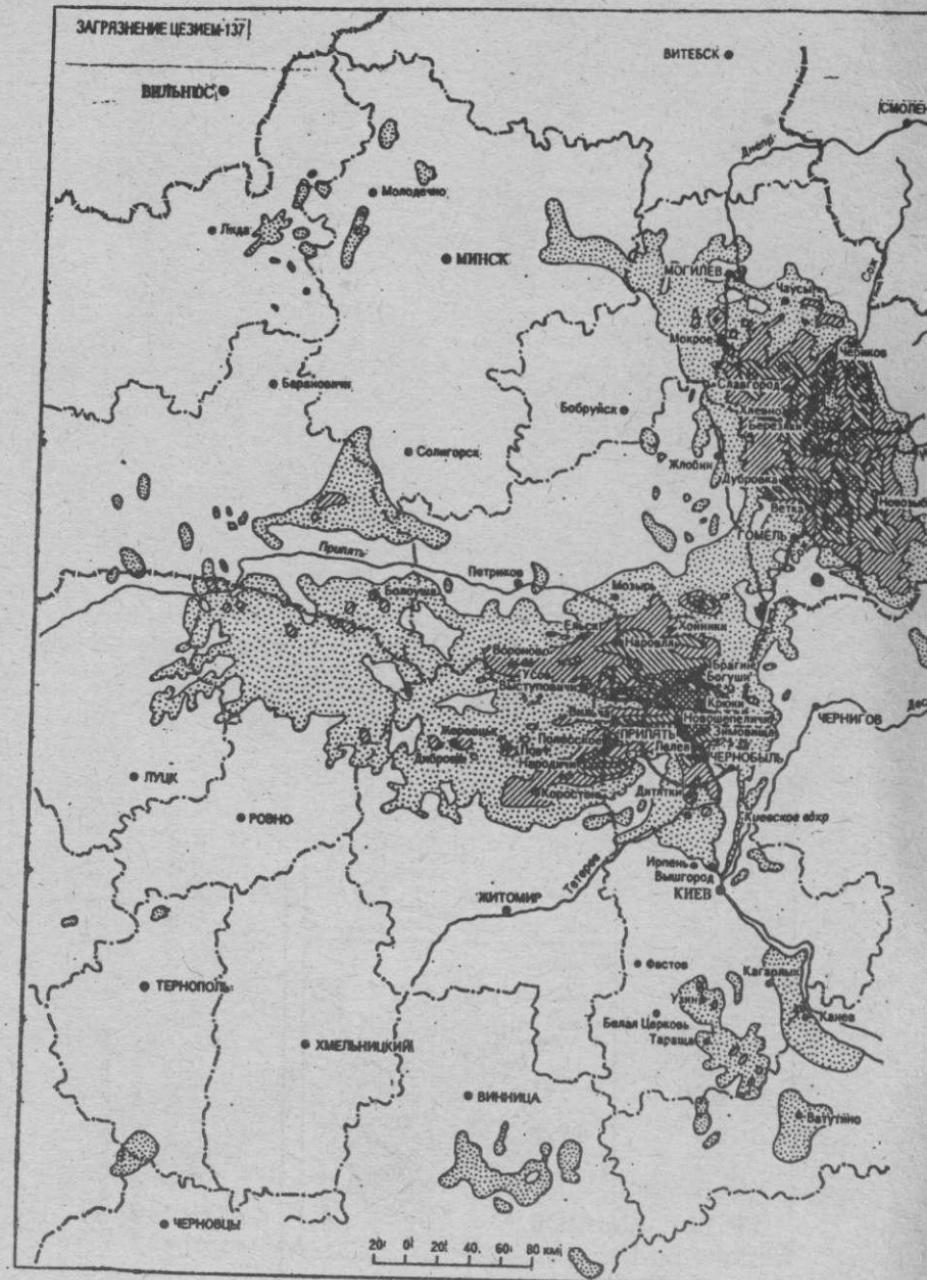

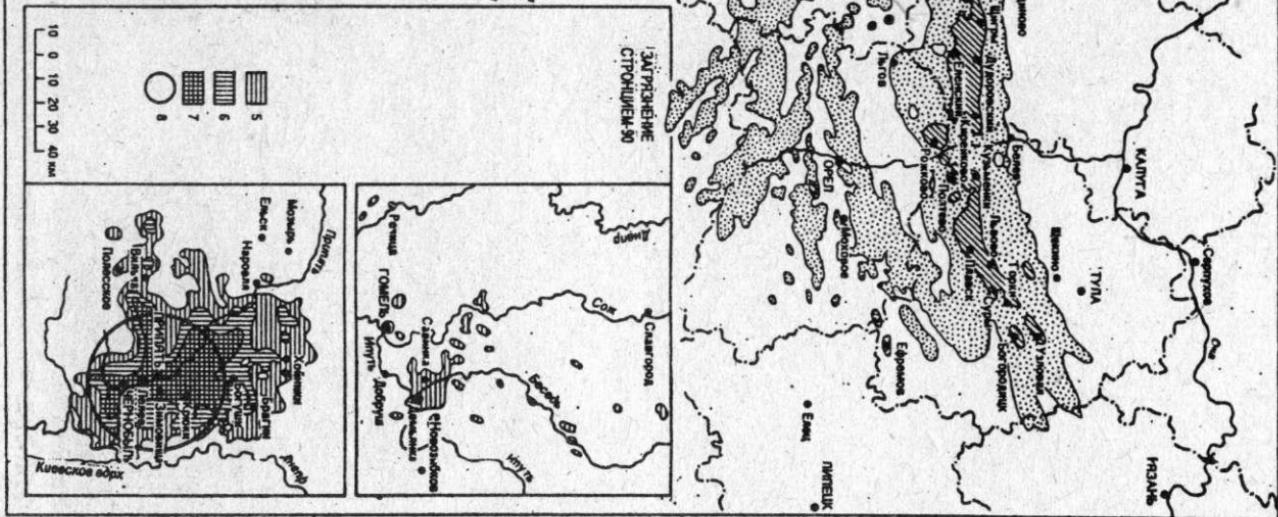
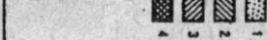
П.В. ВЕНЬЯМИНОВ
Рисунок С. Саввичева

С.И. САВВИЧЕВ
Автопортрет

ЗАГРЯЗНЕНИЕ ЦЕЗИЕМ-137

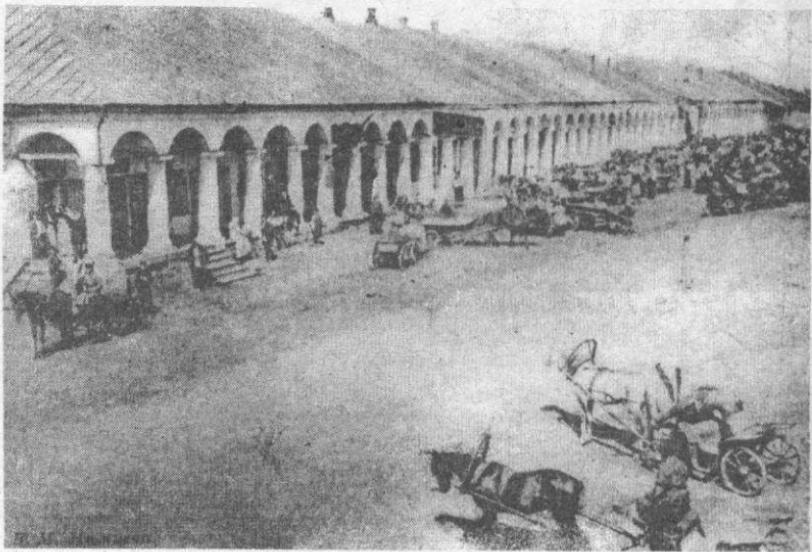

Карта загрязнения местности стронцием-90 и цезием-137 (8 — граница 30-километровой зоны).

Номер обозначения 1 2 3 4 5 6 7

Уровень загрязнения,
Ки/км² 1...5 5...15 15...40 >40 1...2 2...3 >

НОВОЗЫБКОВ. ГОД 1913

ГОСТИНЫЙ РЯД. Фото В. Немцева.

ЗАВОД ВОЛКОВА И СЫНОВЕЙ. Фото В. Немцева.

НОВОЗЫБКОВ. ГОД 1913

Еврейский молитвенный домъ.

Привѣтъ изъ Новозыбкова.

СИНАГОГА НА УЛ. КРАСНОЙ. Фото В. Немцева.

8 Новозыбков. Долгоруковская улица и Еврейская гимназия.

ДОЛГОРУКОВСКАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗИЯ.
Фото В. Немцева.

A. Вольный

ЧЕРЕЗ ГОДЫ, ЧЕРЕЗ РАССТОЯНИЯ.

Хорошо запомнились годы учебы в начальных классах школ, одна из которых находилась на Красной площади, а вторая — на улице Воровского.

Учеба в начальных классах была связана с местом постоянного жительства. Когда я учился в начальной школе, что на Красной площади, мы жили на улице Красной. Эта улица не на много отличалась от современной, в основном состояла из одноэтажных домов. Если и выделялась, то двумя зданиями. В одном из них находится средняя школа № 5, тогда же был расположен банк. В другом, где сейчас расположен ряд административных учреждений, находилась одна из трех городских синагог. Называли ее «Красной синагогой» по названию улицы. Еще две синагоги были на улице Замишевской, одну из них называли Замишевской, вторую — Либавской. Ходили слухи, что ее построили на средства купцов из города Либава.

Замишевская синагога, непосредственно примыкающая к озеру Карна, однажды сгорела в одночасье, к слову сказать, не приняли нужных мер, чтобы погасить огонь. Тем не менее верующие, рискуя жизнью, вынесли сквозь бушующий огонь святые книги. Все они пополнили Либавскую синагогу. Но ее вскоре закрыли, переоборудовав в физкультурный зал, который я посещал уже позже, будучи учеником девятилетки, расположенной в здании бывшей женской гимназии.

Сейчас это — средняя школа № 1. Когда же я ее посещал, она имела двоякое название: имени Ленина и имени Калинина. Занятия в школе имени Ленина велись в первую смену. Здесь в основном учились дети рабочих и крестьян. Во второй смене шли уроки для детей служащих. Я, как сын служащего-счетовода, посещал школу имени Калинина.

Впрочем, на организации учебы это не отражалось. Дело в том, что учителями обеих школ в большинстве были одни и те же лица. Из них запомнилась учительница русского языка и литературы Клавдия Алексеевна Чернышева, которой я во многом обязан тем, что пошел по литературному пути, учитель химии Авксентий Евстафьевич Михайлец, Михаил Георгиевич Варно и учитель географии Василий Николаевич Помейкин.

Интересная судьба этих учителей. В дни немецкой оккупации Новозыбкова в силу ряда обстоятельств они не сумели эвакуироваться, но вели себя как подлинные патриоты. Подробно о деятельности этих учителей в городе, оккупированном фашистами, я рассказал в повести «Сердце молчать не может».

Был еще учитель, который мне запомнился на всю жизнь: Савелий Андреевич Шевцов. Когда семья переехала с Красной

улицы на Бойнянскую (сейчас ул. Чапаева), меня определили в школу им. Крупской. В этой школе я, как говорится, «попал в руки Савелия Андреевича». Если Клавдия Алексеевна привила мне любовь к литературе, то Савелий Алексеевич — к природе.

Когда я жил на улице Красной, мы играли в разбойников, делали набеги на фруктовые сады, которыми изобиловал город. Помнится, что в саду попа произрастали грецкие орехи — диковина для Новозыбкова, и потому к батюшке мы наведывались чаще, чем к другим. Был он человеком добрым и все завершалось его просьбой: «Только не ломайте, пожалуйста сучья».

До этого я впервые стал учиться в еврейской школе — хедере. Туда меня, пятилетнего паренька, привел отец, он о чем-то переговорил с учителем, человеком уже не молодым и несколько неряшливым, как мне показалось по его одежде.

Учили в хедере на древнееврейском языке (иврите). Давался он мне очень трудно, ибо в нашем доме родители разговаривали на идиш и по-русски. К тому же учитель был человеком весьма ограниченным, он сносно знал только молитву на древнееврейском и отдельные главы из религиозных книг, объяснял он весьма нудно и непонятно.

Я стал пропускать занятия, проводя время со сверстниками по двору. Был среди них и Арон Маневич (впоследствии Артем Маневич — писатель) старший меня на два года.

Потом в начале сентября, очутился я в первом классе школы на Красной площади. Все здесь отличалось от хедера. Большие просторные классы, обилие на стенах географических карт, портреты видных писателей, ученых, создавали обстановку торжественности.

Из-за плохой одежды и обуви в те ранние школьные годы пришлось мне испытать немало унижений и оскорблений. Как-то пошли мы на экскурсию. Было очень грязно. У меня чавкало под ногами, потому что плохо была прикреплена подошва. Получилось так, что рядом оказалась учительница, когда я шагнул в лужу, запачкав одежду учительницы. Она отскочила, не преминув обругать за безобразное поведение. Я пытался объясниться, попросить прощения. Она же слышать не хотела.

После этого случая я резко изменил свое отношение к учительнице. Дело кончилось тем, что директор школы вызвал меня в кабинет и потребовал дать слово, что изменю свое отношение. Я обещал это сделать.

Казалось, что все в порядке. Но спустя некоторое время в школу вызвали родителей. Пошла мать. Меня лишили права посещать занятия за игнорирование платы за обучение. В действительности отец снова оказался безработным, платить за обучение в установленные сроки не было никакой возможности.

В горьких слезах покидала мама кабинет директора школы. Я шел вслед за ней, низко опустив голову и переживая очередную

несправедливость. Детям рабочих и крестьян было гарантировано бесплатное обучение, хотя многие из них жили материально намного лучше, чем наша семья служащего.

Впрочем, бодрость ко мне скоро вернулась. Выбрав время, я стал писать прошение в адрес наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского. В письме сообщал, что живем очень бедно. Отец безработный, а мать из костей готовит обеды, потому что не за что купить мясо. Я просил освободить меня от платы за обучение, дать возможность продолжить посещение школы.

Письмо сочинялось накануне первомайского праздника, и закончил я его так: «Примите от меня поздравление по случаю великого праздника лично Вам, а также Надежде Константиновне Крупской, Льву Давидовичу Троцкому и другим вождям».

Уже был на исходе май. Я продолжал самостоятельно учить уроки в пределах возможного, не теряя надежды получить ответ из Москвы. Когда до окончания учебного года осталось буквально пару дней, моих родителей вызвали в унаробраз, как тогда кратко именовали уездный отдел народного образования. Пошла опять мать.

В унаробраз матери показали мое письмо, пересланное из Гомеля, центра губернии, в которую с мая 1919 года входил Новозыбков. На письме стояла резолюция: «Тщательно разобраться и сообщить о принятых мерах семье Эпштейн». Заведующий унаробразом Приходин сообщил матери, что впредь я буду освобождаться от платы за обучение, но попросил: «Только постарайтесь, пожалуйста, чтобы сын изменил свое поведение». Что подразумевал при этом заведующий, я понял как следует только спустя много лет, не раз попадая в различные перепалки и неприятности из-за того, что придерживался принципа, господствовавшего в нашей семье: «Быть всегда принципиальным, справедливым, честным. Не врать, не подхалимничать».

Трудно словами передать ту радость, какую я испытывал, получив возможность снова посещать школу, а главное сознавать, что справедливость восторжествовала. К великому сожалению, на протяжении остального жизненного пути я не раз убеждался, как трудно одной правдой добиваться осуществления своих планов.

(Глава из повести.

Напечатана с сокращениями)

Арон Григорьевич Эпштейн (1918 г. р., литературный псевдоним А. Вольный)—известный Новозыбковский журналист, долгие годы работавший в газете «Маяк». Автор документально-художественных повестей «Сердце молчать не может», «Эшелоны летят под откос», книги «Новозыбков» и ее расширенного переиздания «Новозыбков и новозыбковцы». Несколько его произведений увидели свет лишь в журнально-газетных вариантах и еще ждут своих издателей. В 1995 году вышла его автобиографическая повесть «Через годы, через расстояния», отрывок из которой предлагается читателям.

Василий Миненко

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

Родился и вырос я на брянщине, в маленьком селе Новое Место. Детство вспоминаю с горьким чувством. Когда нужно было ходить в школу, пас коров, гонял в ночное лошадей. Однажды чуть не разбился, упав с лошади.

Трудно было мне, пацану. С первого класса помогал родителям зарабатывать на жизнь. Ютилась наша семья в ветхом старом домике, и отец решил срубить новую избу. Нужны были деньги. Тогда в деревне очень трудно было строиться.

У отца два класса образования, у матери побольше. Оба росли сиротами. Думали, когда решили пожениться, что в своем несчастье помогут друг другу устоять в жизни. Но вышло наоборот, отец с юных лет пристрастился к спиртному... Мучил мать. Ей, бедной, приходилось ночевать у соседей. Я защищал мать как мог, и мне за это тоже доставалось от отца.

Хорошо помню маму в годы своего детства—она была очень красивой. Самая добрая женщина, какие есть на Земле. Помню, на зорьке будит меня: —Вставай сыночек, коров нужно выгонять.—А сама, бедная, плачет из-за того, что мне нужно в четыре часа быть на ногах.

Вспоминая об этом, я и сам сейчас не могу сдержать слез.

С малых лет я мечтал стать художником, потому что очень любил свою красивую маму и наши красивые луга.

У отца тоже была трудная жизнь. Он работал на ферме, все делалось там вручную, тяжело ему копейка доставалась. Когда отец умирал, сказал: —Ну, Василий, держись!

Напутствие я понял так: нужно работать не покладая рук. Отец будто извинялся, что не дал сбыться моей мечте. Такая уж была тяжкая, как вечное проклятие, наша крестьянская доля.

Ничем не унять горечь в душе от того, что жизнь моя пошла не так. Не стал я профессиональным художником, не смог изменить обстоятельства, потому что нужно было зарабатывать на хлеб. Не хочу сказать, что годы мои прошли напрасно. Было много хорошего, ведь в любом труде—и пастуха, и художника—есть свой смысл...

Мне часто снятся сны. Однажды приснилась красивая кобылица в лугах моего детства. Это прекрасное мгновение я оставил в гравюре.

«Трезвость и культура».

Миненко Василий Анатольевич (1950 г. р.) родился в селе Новое Место Новозыбковского района. Закончил Павловский художественный техникум. Работал художником-оформителем в Брянске и на заводе «Индуктор», где продолжает трудиться и сейчас. В творчестве предпочитает технику линогравюры. Произведения художника reproduцировались во многих изданиях, в том числе таких известных как «Неман», «Нева», «Знамя», «Советская Россия», «Сельская жизнь» и др.

В 1995 году в Новозыбковском краеведческом музее состоялась первая персональная выставка художника, посвященная 45-летию со дня рождения.

Рубрика «Творчество» этого номера посвящена и нашему земляку, продолжая данную публикацию.

Василий
МИНЕНКО

ГРАФИКА

ПАВЛОВСКИЙ ПАРК

ВЕТЕР. 1986 г.

ЛУННАЯ НОЧЬ. 1986 г.

Александр Колмаков

ПРИХОДИТ УТРО

Приходит утро, полное забот.
Вот новый день, подаренный судьбою.
Небо голубое-голубое,
И в небе—серебристый самолет.

Рассвет, он робок. За ночь выпал снег,
Колючий иней падает с берез.
И белизна полей—мир детских грез,
Которых не коснулся человек.

Все так пушисто, призрачно, нарядно,
И кажется, дотронешься рукой—
Нарушишь этот сердцу дорогой,
Огромный мир, простой и непонятный.

Скрипит и стонет под ногами снег,
Простор душе, приделайте ей крылья.
И наших душ большая эскадрилья
Уж улетает в двадцать первый век.

СИЛУЭТЫ ЗИМЫ. Фото Е. Гейдельберга.

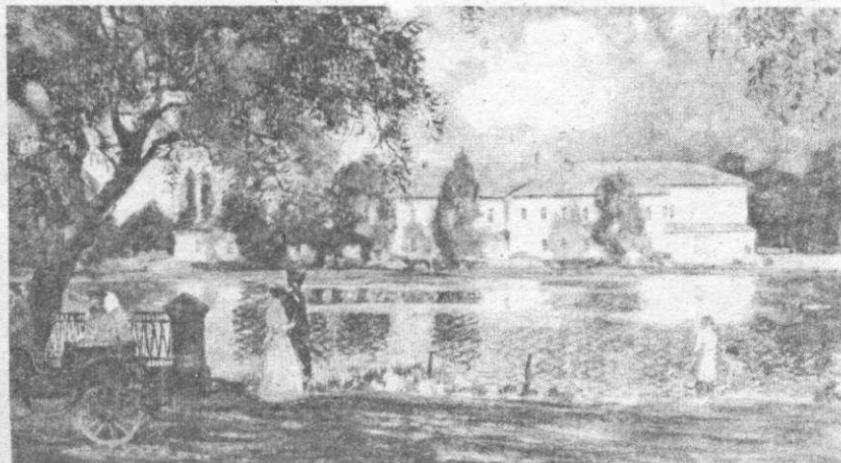
ЗИМНИЙ ЭТЮД. Фото С. Непши.

Стихи Дмитрия Толкача
Музыка Галины Соболевой

ВЫ БЫЛИ КАК ВЕСНА

Вы были как весна, прекрасно - е соз-
данье, сущее я часто твой мне душу по-ко-
рить, я вас до- го- тво- рил... и исло одно же
ланье - ч ваших чудных ног ко- лени преклонить

Соболева Галина Михайловна—преподаватель музыки, известная в городе исполнительница фортепианных произведений. Родилась в Новозыбкове, закончила Брянское музыкальное училище и Московский институт культуры. Художественный руководитель хора Чудо-Михайловской православной церкви. Часто выступает с сольными концертами. Пробует себя в музыкальной композиции. Романс написан в январе 1996 года и пока еще нигде не исполнялся для широкой аудитории.

Художник Е. Кожевников «У ПРУДА»
Из серии «Старый Новозыбков»

Вы были как Весна, прекрасное созданье,
Сумея чистотой мне душу покорить,
Я Вас боготворил... И жгло одно желанье—
У Ваших чудных ног колени преклонить.
Лишь только созерцать хотелось бы подольше
Венец природы—Вас, лишь только Вас любить,
Лишь только восхищаться в упоеньи божьем,
В виденьи неземном земное все забыть.
Свою красотой Вы, милая, невинной
И свежестью своей сумели все затмить.
Хотелось рядом быть, пройти дорогой длинной,
Судьбу Адама с Евой вместе разделить...
У Вашего крыльца не вздрогнет колокольчик,
На тройке не примчусь, чтоб нам единым стать,
Дай бог Вам счастья в жизни, но не будет больше
Его у Вас с другим, чем я хотел желать...

Толкач Дмитрий Васильевич—уроженец Гордеевского района. Стихи начал писать уже давно, с тех пор, как двадцать лет назад после окончания БИТМА приехал работать инженером-технологом на завод «Индуктор», где продолжает трудиться и сейчас. Кроме того, он—известный в городе тренер, специалист по восточным единоборствам.

Первые публикации с его поэтическим творчеством появились в газете «Маяк» несколько лет назад и сразу принесли ему признание среди почитателей лирической поэзии. Его стихи навеяны лучшими образцами русской классики, в которой он постоянно находит истоки творческого вдохновения.

Лев Бёме

СНЕГИРИ

...Нудно-длинная, слякотная осень с постоянно идущими мелкими осенними дождями, с холодным ветром, ежедневно приносящим все новые и новые порции низко нависающих серых туч, в одном из маленьких, захолустных городишек Брянской области Новозыбкове. Новозыбков, напоминающий большое село, широко разбросал свои деревянные невзрачные домишкы и грязные, а осенью и весной совершенно непроходимые улицы, вблизи от знаменитых брянских дубрав, подходящих почти к самой городской черте. Наконец, начавшееся с вечера резкое похолодание вчера утром вызвало изменение погоды. Крыши, улицы и деревья городских насаждений покрылись белым, ровным покровом, закрывшим и ухабы дорог, и грязь тротуаров.

На одной из улиц, у самой окраины города, недалеко от полотна железной дороги, непосредственно за которой начинается лес, живет семья местных птицелов.

Рано утром после выпавшей вчера первой пороши меня разбудил настойчивый стук в дверь. Это—страстный охотник птицелов пришел одолжить у меня снегирия-заманка. Мой снегирий—птица заслуженная! Живя со мной уже более 3 лет он проделал два длинных путешествия из Москвы, где он был куплен на птичьем рынке, на Кавказ и в Брянскую область. Для ловли он незаменим—истосковавшись по снегириям, вынужденный жить все время в обществе других птиц, когда его выставляют заманком, он непрерывно издает свои позывные звуки, убедительно приглашая свободных товарищей хотя бы на несколько минут завернуть к нему. Передав снегирия, я договорился с птицеловом, что приду на ловлю после работы.

Этот птицелов живет в маленьком домике. На улице у домика высокий ясень с оставшимися на нем на зиму грозьями семян—летучек, которые любят снегири. При домике, как раз напротив окон, небольшой огороженный садик с несколькими рябинами и стеблями высокой конопли. Место для ловли загнанных снегом на окраины города снегирией самое подходящее! Процесс ловли к тому же можно наблюдать через окошко, не выходя для этого в сад или во двор.

...Я освободился от работы часов в 12 дня и сейчас же направился к своему приятелю. На ясene сидело 3 снегиря, они перекликались с моим заманком. Снасти для ловли были уже готовы. Устроившись у окон, мы стали наблюдать за происходящим в садике.

Очень скоро три снегиря, которых я видел сидевшими на ясene, повинуясь страстным призывам заманка, перепорхнули в садик. Пробыв некоторое время на рябине, пара самцов слетела на снег и запрыгала к ловушкам. Один из снегирей, заметив на столике ловушки красную, сочную рябину, подсолнечные и конопляные семена, как-то боком прыгнул к столику, клюнул ягоды, спустил сторожок и забился под сеткой.

Прошло еще несколько минут. Снегирь-заманок продолжал не только свистеть, но временами скрипел свои лучшие рулады, приглашая к себе товарищей. Одна серая самка, то ли прельщенная песнями старого импровизатора, то ли захотевшая попробовать семечек подсолнечника, присела на крышку западни, долго рассматривала снегиря-заманка и лакомства в ловушке, наконец решилась и перепрыгнула сперва в открытую дверцу захлопывающегося отделения западни, а затем к зернам. Ловушка захлопнулась.

Редко видящие летом людей снегири пугливы и сильно боятся, бросаясь на стенки клетки. Эта боязливость птиц проходит очень скоро. Привыкают снегири и к клеткам и к людям очень быстро и часто начинают петь недели через две после поимки, их немудреная песенка, конечно, особого удовольствия доставлять своей мелодичностью не может, но их привлекательное красное оперение, спокойный нрав, нетребовательность к корму и способность привыкать к хозяину делают снегирей одними из самых приятных птиц у нас дома.

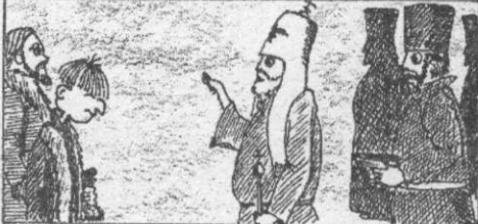
Живут в клетках снегири по несколько лет и поют буквально целыми днями. Привыкнув к людям, снегири не прекращают свои песни, если даже подойти вплотную к клетке. Среди очень большого количества самых разнообразных птиц, живших у меня, к своим снегирем я всегда чувствовал особое расположение и дружбу.

Из книги «Жизнь птиц у нас дома».

Лев Борисович Бёме (1895—1954)—известный зоолог, профессор. С 1948 по 1954 г. жил и работал в Новозыбкове. Возглавлял кафедру зоологии в Новозыбковском педагогическом институте. Помимо научных трудов, написал много научно-популярных книг. Одна из них—«Жизнь птиц у нас дома», отрывок из которой предлагается читателям, была издана впервые в 1951 году и с тех пор многократно переиздавалась. В книге несколько раз упоминается и описывается Новозыбков, где умер и похоронен этот замечательный ученый—популяризатор науки.

1. Много лет назад, в середине 17 века Московский патриарх Никон ввел новые правила богослужения. Упростились многие прежние обряды, молиться вменилось тремя перстами, а не двумя, как раньше.

2. Нововведения стали силой насаждаться на Руси. Тех, кто отказывался признавать "новую веру", стали называть старообрядцами. Все они были прокляты на церковном соборе, их стали преследовать: подвергали пыткам, ссылали, заключали в тюрьмы, а некоторых казнили, сжигая на кострах.

3. Жестокие репрессии заставили приверженцев "старой" веры бежать на окраины России, за рубеж. Большая группа старообрядцев направилась на запад, к границам Польши и Литвы.

4. Долго шли они со своим нехитрым скарбом, искали землю, где могли бы спокойно жить по совести и убеждениям своим. Много верст прошли они на своем пути.

5. Однажды остановились они в лесу у криницы на берегу речки. Долго не могли заснуть беглецы у костра в ту ночь.

6. А когда взошло солнце, увидели они в ветвях дерева икону Божьей Матери. Подивились они и решили, что это знак остановиться здесь.

7. Долго молились путники образу Заступницы, указавшей им землю, где будут они свободны и счастливы.

8. Знали они, что только трудом своим смогут построить себе новую жизнь. Здесь, на болотистых берегах, стали строить они свое поселение.

9. Много лет прошло, прежде чем слобода Зыбская – а именно так ее называли – стала процветать промыслами и ремеслами, стала известна трудодобром и искусством своих жителей. В память о чудесном появлении образа Богородицы поставили они у криницы часовню, чтобы поклоняться ей на месте, где начались будущий город Новозыбков.

Рисовал Владимир Кистенев,
учащийся ДХП.
Текст К. Попова.

Елена Варшавская

БЫЛА В МЕНЮ И БЕЛОРОБИЦА

В 1950 году из Москвы в провинциальный Новозыбков на Брянщине приехал историк преподавать в местном пединституте. Оставшейся в столице семье он писал письма. В одном из них прислал меню местной столовой, чтобы не беспокоились о том, как он питается. Письмо и меню сохранились. Поэтому мы точно знаем, чем кормил новозыбковский общепит 12 ноября 1950 года.

Борщ с мясом и сметаной—1 р. 85 к.; борщ с гусиной—1 р. 45 к.; суп-лапша домашняя—1 р. 75 к.

Котлета мясная—2 р. 95 к.; кета жареная—3 р. 50 к.; блинчики со сметаной—2 р. 25 к.; бифштекс с яйцом—6 р. 75 к.

Холодные закуски: винегрет—50 к.; белорыбица—3 р. 50 к.; кета в маринаде—3 р. 05 к.; икра горбуши—2 р. 80 к.; грибы маслята—65 к.; сыр голландский—4 р. 80 к.

Это только выдержки из списка блюд, состоящего из 44 наименований! «Вот какой у нас гранд-отель», — иронично приписал на меню автор письма — глава семейства.

Напомним: в 1950 году уборщица получала 300 рублей в месяц, а рядовой преподаватель института — больше двух тысяч.

И еще — минимальная зарплата служащего составляла тысячу рублей в месяц.

«Труд».

ЗАБЫТЫЕ РЕЦЕПТЫ РУССКОЙ КУХНИ

ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ

Три фунта овсяной муки смочить водой, прибавить стакан гуцу из-под кваса или черного хлеба, поставить в темное место и дать хорошенько закиснуть. На следующий день процедить сквозь сито и поставить варить: если будет очень густо, прибавить воды. Солить не надо — иначе кисель не сварится. Варить до тех пор, пока станет отставать от горшка. Потом залить в формы и остудить. Подавать к столу можно с ягодами или сиропом.

ПОХЛЕБКА С РЕПОЙ И РИСОМ

2 репы с листьями, 2 столовые ложки риса, 1 морковь, 2 литра воды, 3 столовые ложки растительного масла, соль.

Репу отделить от листьев, листья промыть, изрубить. Репу и морковь

очистить, нарезать соломкой. Рис промыть, залить кипящей соленой водой, довести до кипения, добавить репу, морковь, листья репы и снова довести до кипения, затем настаивать при закрытой крышке 15—20 минут.

Подают похлебку с растительным маслом.

ТЮРЯ С КИСЛЫМ МОЛОКОМ

0,5 стакана рубленых молодых листьев смородины, 200 граммов черствого хлеба, стакан кислого молока, 5 столовых ложек рубленого зеленого лука, 2 литра воды, соль.

Листья смородины промыть и мелко изрубить, залить кипящей водой, довести до кипения и охладить в отваре. В тарелку покрошить черствый хлеб, зеленый лук, налить кислое молоко, смешанное с холодной кипяченой водой.

ЧТОБЫ ЖИТЬ НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ

Расхожая фраза—«все болезни от нервов» имеет глубокий смысл, когда анализируются причины различных заболеваний. Медики подтверждают: неправильный образ жизни способствует заболеваниям сердца. Извращенное отношение к труду—болезням мозга.

Частые любовные стрессы ведут к заболеваниям легких и щитовидной железы.

Зависть—основа развития болезней пищевода, а избыточное честолюбие непременно повредит работе надпочечников.

Ревность—это тоже болезнь. Потому что именно она разрушает работу почек.

Страх препятствует работе печени. Хитрость губит желудок.

Половая неуверенность отразится на работе поджелудочной железы. Может даже развиться диабет.

У всех людей с болезнями позвоночника наблюдается зацикленность на прошлом. У желчных людей, естественно, затруднения с желчным пузырем. А у людей мнительных—с лимфой.

Напоминаем основные рекомендации, живущим на территориях, затронутых Чернобыльской катастрофой, выполнение которых приносит большой эффект в снижении воздействия любых вредных факторов, в том числе и радиации на организм.

Стресс (нервное потрясение), вызванное Чернобыльской катастрофой, с одной стороны подстегнул защитные силы организма, а с другой—вызывал у многих страх о возможных последствиях от проживания на этих территориях, расшатывающий нервную систему.

Справиться с этим—привести нервную систему в норму—поможет аутогренинг, специальный комплекс гимнастики, йога и многие другие доступные способы. Литературы по этой теме много, а в силу ее популярности, она постоянно издается.

Еще в 50-е годы установлено, что есть вещества, активно влияющие на восстановление поврежденных клеточных структур. Больше всего этих веществ находится в подсолнечном масле, растительной пище (капуста, редис, сельдерей и другие), содержащей витамины Е и С.

Чтобы поддержать и укрепить жизненные силы организма, необходимо придерживаться несложных советов: правильно организовывать повседневный труд, соблюдать распорядок дня, активно заниматься физкультурой, отказаться от вредных привычек.

По материалам газет «Брянские известия»
и «Станкостроитель».

СОДЕРЖАНИЕ

■ Публицистика	
<i>Е. Потупов.</i> Город, который всегда со мной	2
<i>С. Макаров.</i> Тревожное лето 86-го	5
<i>А. Воробьев.</i> Из Святска выносят всех святых	9
■ История края	
<i>В. Николаенко.</i> Река богини	12
<i>Ю. Анисин, А. Кублицкий.</i> Новозыбковский уезд в конце XIX века	13
<i>С. Макаров.</i> Художники довоенного Новозыбкова	17
<i>Новозыбков.</i> Год 1913. Фотографии	22
■ Воспоминания, размышления	
<i>А. Вольный.</i> Через годы, через расстояния	24
<i>В. Миненко.</i> Память детства	27
■ Творчество	
<i>В. Миненко.</i> Графика	28
<i>А. Колмаков.</i> Приходит утро... Стихи	30
<i>Е. Гейдельберг.</i> Силуэты зимы. Фотография	30
<i>С. Непша.</i> Зимний этюд. Фотография	31
<i>Д. Толкач, Г. Соболева.</i> Вы были как Весна. Стихи, музыка	32
■ Уголок природы	
<i>Л. Бёме.</i> Снегири	34
■ Рассказ в картинках	
Легенда о Новозыбкове	36
■ Факты, рецепты, советы	
<i>Е. Варшавская.</i> Была в меню и белорыбица	38
Забытые рецепты русской кухни	38
Чтобы жить на этой земле	39

НА ОБЛОЖКЕ:

1 страница. «Озеро Карна». Фото И. Барсукова.

2 страница. «К весне». Фото И. Барсукова.

НА ВКЛАДКЕ: Карта Чернобыльского загрязнения.

Издание подготовлено клубом культурных инициатив
«ЗЫБЧАНЕ».

г. Новозыбков. Зима—весна 1996 г.

Редактор-составитель Константин Попов.
Редакционный совет: С. Макаров, Л. Шпакова,
А. Колмаков, А. Таловерко.

Клуб «ЗЫБЧАНЕ»—общественная культурно-просветительская организация, ассоциация творческих и любительских объединений Новозыбкова—города Чернобыльской зоны.

Выбор направления работы определяется членами клуба. В настоящее время при нем сформировались объединения по изобразительному, литературному и музыкальному творчеству, шахматам, краеведческая и издательская группы, физкультурно-оздоровительная, психологической поддержки и любителей искусств.

Клуб «ЗЫБЧАНЕ» приглашает творческих, ищущих, неравнодушных людей, а также просто нуждающихся в общении.

Мы ищем спонсоров для издательской и просветительской работы. Приглашаем к сотрудничеству культурные и общественные организации.

Наш адрес:

Россия, 243000, Брянская область, г. Новозыбков,
ул. Рокоссовского, 31. Клуб «ЗЫБЧАНЕ».

Контактные телефоны: 2-31-03, 3-27-67.